

DOI 10.15826/izv2.2021.23.3.043
УДК 94(100)“1914/19” + 94(430)“1918” +
+ 94:159.953 + 316.346.36:159.953

Н. Н. Баранов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

РАСКОЛОТАЯ ПАМЯТЬ: ПРАКТИКИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Проблематика исторической памяти и политики памяти, становления и эволюции мемориальной культуры приобрела актуальность в контексте «мнемонического поворота» в историографии, начавшегося в 1980-е гг. и продолжающегося по настоящее время. События Первой мировой войны и ее последствия в межвоенный период занимали центральное место в коммуникативной памяти немцев, служили главным объектом исторической политики в Веймарской республике. По понятным причинам в Германии не могло быть места триумфальной памяти. В качестве закономерной компенсации катастрофического поражения особое эмоциональное значение приобрела память о героях, на фоне которой версия памяти-скорби отступала на задний план. Попытки официальных властей и партий веймарской коалиции создать общее мемориальное пространство минувшей войны для национальной консолидации и собственной легитимации закончились неудачей. В условиях глубокого социально-политического раскола общества на грани гражданской войны противоборствующие группировки создавали и распространяли собственные, не только конкурирующие, но и прямо враждебные друг другу версии памяти о войне. При этом главными ее носителями выступали ветеранские организации различной партийной принадлежности. Для них была характерна специфическая мемориальная культура преклонения перед идеализированным образом солдата-фронтовика и пренебрежения к тыловикам. В результате самые значимые места памяти — танненбергский мемориал в Восточной Пруссии и здание Нойе Вахе в Берлине так и не приобрели общенационального значения. В противоборстве конфликтующих версий памяти преимущество осталось на стороне консервативных, националистических, антиреспубликанских сил.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Первая мировая война; Германия; Веймарская республика; мемориальная культура; «Стальной шлем»; Рейхсбаннер Шварц-Рот-Гольд; «Рот Фронт»; Танненберг; Нойе Вахе

Ц и т и р о в а н и е: *Баранов Н. Н.* Расколота память: практики мемориализации Первой мировой войны в Веймарской республике // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2021. Т. 23, № 3. С. 22–35. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.3.043>

Поступила в редакцию: 01.03.2021

Принята к печати: 23.06.2021

Nikolay N. Baranov

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

SPLIT MEMORY: WORLD WAR I MEMORIALISATION PRACTICES IN THE WEIMAR REPUBLIC

The problem of historical memory and the politics of memory, the formation and evolution of memorial culture has become relevant in the context of the “mnemonic turn” in historiography, which began in the 1980s and continues until now. The events of World War I and its consequences in the interwar period occupied a central place in the communicative memory of the Germans and were the main object of historical politics in the Weimar Republic. For obvious reasons, there could be no place for triumphal memory in Germany. The memory of heroes acquired a special emotional meaning and pushed the grief memory version into the background, which was a natural compensation for the catastrophic defeat. Attempts by the official authorities and parties of the Weimar coalition to create a common memorial space of the last war for national consolidation and their own legitimisation ended in failure. In the conditions of a deep socio-political split in society on the brink of civil war, the opposing groups created and spread their own versions of the memory of war, not only competing, but also directly hostile to each other. At the same time, its main carriers were veteran organisations of various party affiliations. They were characterised by a specific memorial culture of admiration for the idealised image of the front-line soldier and disdain for the ones in the rear. As a result, the most significant places of memory, i.e. the Tannenberg Memorial in East Prussia and the Neue Wache building in Berlin never acquired national significance. In the confrontation between conflicting versions of memory, the advantage remained on the side of the conservative, nationalist, and anti-republican forces.

Key words: World War I; Germany; Weimar Republic; memorial culture; Der Stahlheim; Reichsbanner Schwarz-Rot-Gold; Rote Front; Tannenberg; Neue Wache

For citation: Baranov, N. N. (2021). Raskolotaia pamiat': praktiki memorializatsii Pervoi mirovoi voiny v Veimarskoi respublike [Split Memory: World War I Memorialisation Practices in the Weimar Republic]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(3), 22–35. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.3.043>

Submitted: 01.03.2021

Accepted: 23.06.2021

Первая мировая война имела для Германии катастрофические последствия: гибель более двух миллионов человек, революция, падение монархии, крах империи, навязанный победителями тяжелейший, воспринимавшийся как несправедливый и унижительный Версальский мир. При этом практически все четыре года война велась за пределами территории страны. Не удивительно, что

минувшая война стала центральным объектом коммуникативной и культурной памяти народа, исторической политики властей республики, партий Веймарской коалиции и оппозиционных политических сил. Высокая степень политической поляризации, ожесточенное противоборство радикальных политических течений с применением крайних форм насилия на грани гражданской войны обусловили распространение не только конкурирующих, но и прямо враждебных одна другой версий памяти о Великой войне.

За военным поражением рейха последовала смена политической системы. Это обстоятельство определило принципиальные различия состояния коллективной военной памяти в Германии по сравнению с Францией или Великобританией. Правые политические силы Германии восприняли перемену строя резко отрицательно. С одной стороны, демократия рассматривалась ими как чуждая форма, возникшая под давлением победителей, с другой — революционные потрясения они считали главной причиной поражения в войне. Крайне левые испытали разочарование республикой, считая революцию 1918–1919 гг. незавершенной. Они утверждали, что огромные жертвы войны могли быть оправданы только при условии, что революция покончила бы с государством и классовым обществом. Еврейские ветераны войны, стремясь к опровержению клеветы и наветов со стороны крайне правых националистов, культивировали собственную версию памяти о войне, в которой присутствовали и государственно-национальные, и республиканские мотивы. Обе христианские церкви (и католики, и протестанты) рассматривали память о войне как возможность распространять собственные представления о христианском мире.

Прославление героев войны в Германии после 1918 г. было связано с устойчивой исторической традицией, которая восходила ко времени освободительных войн против Наполеона. Идеализированные образы созданных в то время студенческих фрайкоров и добровольческого ландвера легли в основу традиции культа военного товарищества, тесной связи воинского мужества и национального движения, который после основания империи в 1871 г. был спаян с мифом объединения «железом и кровью» и стал важнейшим ментальным стержнем внутреннего становления нации. Эта модель продолжала оказывать решающее влияние на формирование образа солдата и после Первой мировой войны [см.: Mosse].

Активными носителями памяти о Первой мировой войне были ветеранские организации Веймарской республики. При этом практически все основные политические силы имели свои собственные объединения ветеранов, которые в ходе усилившихся политических конфликтов 1920-х гг. все больше превращались в вооруженные отряды партий. Наиболее многочисленными, влиятельными и политически активными среди них были формально внепартийный консервативно ориентированный «Стальной шлем», основанный социал-демократами Рейхсбаннер Шварц-Рот-Гольд и коммунистический «Союз красных фронтовиков». Штурмовые отряды (СА), изначально созданные как боевой отряд нацистской партии, также включали значительное число ветеранов войны.

Традиционные «неполитические» воинские объединения (как, например, существовавший с 1900 г. Кифхойзербунд) действовали фактически заодно с монархическими и националистическими силами. Их декларируемая «надпартийность» часто оборачивалась враждебным нейтралитетом по отношению к республике.

Применительно к тому времени в Германии можно говорить о значительной милитаризации политической жизни. В условиях войны сформировались два поколения — фронтовики и не успевшие повоевать. Последние стремились компенсировать отсутствие фронтового опыта воинственным поведением в повседневной гражданской жизни. Военные испытывали устойчивую неприязнь к новой формальной демократии, воплощенной в пустых парламентских дебатах, бесчисленных комитетах и безликих чиновниках. Военизированная организация, униформа, знаки различия, награды и знамена придавали ветеранам ощущение защищенности. Страху перед неконтролируемой революционной толпой противопоставлялась надежность упорядоченной дисциплинированной массы. Каждое политическое движение должно было посредством публичных действий доказать, что оно способно навести военный порядок в стране.

В отличие от партийной системы, где Веймарской коалиции решительно противостояли все остальные, открыто презирающие демократию, республику и конституцию, ситуация в ветеранских объединениях была сложнее. Всем этим объединениям были присущи жесткая унификация и дисциплина, иерархичность, культ вождей и беспрекословное подчинение, милитаристский стиль самопрезентации через униформу, маршевые построения с музыкальным сопровождением, прославление особого духа фронтового солдатского товарищества [см.: Albertin]. Большинство бывших фронтовиков, проявлявших активность в своих ветеранских организациях, к какому бы лагерю они ни принадлежали, тяготели к такому образу действий, который подрывал демократию. Даже Рейхсбаннер, который был основан как оборонительный оплот республики, в конечном счете, по сути, мало чем отличался от своих противников, а коммунисты при организации своих массовых шествий использовали строевой устав рейхсвера [Saehrendt, S. 10].

Самосознание ветерана, который определенным образом вспоминал и говорил о войне, формировалось не только опытом военной службы, но и особенностями биографического протокола конкретного человека довоенной и послевоенной поры. Кроме того, жизнь солдата на войне характеризовалась множеством специфических условий. Спонтанные решения, случайные возможности или потребности и не в последнюю очередь удача также определяли то, как и с каким настроением человек мог пережить и запомнить войну. В результате ветеран представлял собой особый психологический, ментальный и социальный тип, способный активировать пережитый военный опыт в форме насильственных действий.

Идентичность вчерашних солдат формировалась под влиянием фронтового опыта — хаосу и бессмысленному насилию окопной войны, мнимому предательству и черной неблагодарности со стороны «гражданских» ветераны стремились

противопоставить идеализированные отношения «боевого товарищества», что во многом определяло их отношение к послевоенной реальности.

Чтобы получить статус ветерана, недостаточно было просто выжить на фронте. Сформировавшийся в общественном сознании героический дискурс нередко вступал в противоречие с индивидуальным опытом, так что многим вернувшимся с фронта приходилось прилагать усилия, чтобы согласовать общепринятые интерпретации со своей военной биографией. Ассоциации ветеранов в этой ситуации выполняли посредническую функцию и в то же время формировали собственную версию военной памяти. Уже названия организаций дают представление о семантических стратегиях, с помощью которых они стремились презентовать себя. «Стальной шлем» делал основной акцент на участие в боевых операциях, поэтому до 1924 г. право стать членами имели только те, кто воевал на передовой не менее полугода. Постоянный упор на «фронтовой дух» в качестве центрального момента памяти о войне должен был отличать их от «уклонистов»-социалистов. В то же время подчеркивался мифологически преувеличенный альтруизм как базовый элемент подлинного национального сообщества. Об этом выразительно писал соратник и первый биограф основателя «Стального шлема» Ф. Зельдте Г. Рот:

Что такое фронтовой дух? Это не дух дней мобилизации или восторженных юнцов Лангемарка. Это дух неизбежной жертвы и железного долга, дух того скрепленного кровью судьбоносного сообщества, которое родилось в общих страданиях, общей нужде и общей смерти и наполнило слово «товарищ» совершенно новым, чудесным по глубине значением. В этом фронтovém духе есть что-то своеобразное, невыразимое и непредсказуемое, подобно всем кровным вещам. Ни одна поэтическая сила еще не была в состоянии выразить его словами, ни одна рука художника не смогла достичь совершенства, которое является ядром и душой этого фронтového духа [Roth, S. 37].

В Рейхсбаннере как «союзе республиканских участников войны» в меньшей степени обращались к позитивному содержанию памяти о войне. Участие в боевых действиях скорее увязывалось с осознанным использованием либеральных республиканских гражданских ценностей. Идеальный типичный ветеран Рейхсбаннера должен был осознанно исключить из памяти о войне характерное для вильгельминской эпохи представление о связи между всеобщей воинской обязанностью и гражданским долгом, поскольку оно ставило военнообязанного в подчиненное положение монарху как верховному главнокомандующему [см.: Frevert]. Наконец, коммунистический «Союз красных фронтовиков» всегда использовал память о войне только как вспомогательное средство для достижения главной цели — победы над исторически отжившим строем общества.

В послевоенной политической повседневности утвердилась также основная доктрина современной войны — овладение и контроль над пространством. Пространство нужно было удерживать и расширять как жизненно необходимый ресурс. Первоначальный успех реализации наступательного плана Шлиффена вызвал значительное воодушевление в немецком обществе. Переход

к позиционной войне подорвал этот настрой. Вместо неудержимого напора на врага произошел застой, изнуряющая борьба за незначительные, бесполезные, опустошенные территории.

Очевидно, что в послевоенные годы многие ветераны продолжали грезить старой мечтой о контроле над пространством. Но вместо завоевания чужих территорий вовне члены партийных армий стали биться за сферы влияния внутри страны. Общественное пространство было фрагментировано. Города и районы, получившие политические прозвища (например, «красный Веддинг» — рабочий район на северо-западе Берлина), стали оплотом одних партий и вражеской территорией для других. Многие публичные места — площади, общественные здания, сцены — стали объектами политической конкуренции. Особенно престижным считалось представительство в столице рейха. Территориальные претензии партий обозначались соответствующими флагами на фасадах и лозунгами на стенах домов.

Уже в ходе войны возникла и после нее получила самое широкое распространение такая форма закрепления памяти об ее участниках, жертвах и героях, как сооружение памятников, на которых перечислялись имена погибших воинов. На локальном уровне, прежде всего в церковных приходах, эта традиция восходила еще ко времени Тридцатилетней войны. На земельном и национальном уровнях после 1918 г. ситуация осложнялась острой конкуренцией, стремлением различных политических сил воплотить в памятниках, закрепить и транслировать собственный вариант памяти о войне. Строительство новых военных мемориалов и мест для проведения совместных ритуалов поминовения двух миллионов погибших должно было способствовать преодолению раскола и объединению общества — так думали многие ветераны и современники. Но на деле в декларируемом стремлении к единству раздробленность только усиливалась. Каждый политический лагерь стремился по-своему истолковать значение массовых жертв войны. Процессы идентификации, связанные с определенными политическими сценариями, работали только внутри отдельных групп.

Тем не менее, сооружение новых мемориалов приобрело широкий размах. Только на территории Баварии по сведениям местного министерства образования, культов, наук и искусств к середине 1920-х гг. было сооружено 87 новых памятников солдатам Первой мировой войны [BHStA, Rep. MK, Bd. 15, S. 171–192]. Памятники также переместились из центра города на окраины — на кладбища, в зеленые зоны или возводились около церквей.

Пожалуй, единственным исключением стал мемориал в придворном саду мюнхенской резиденции баварских монархов, воздвигнутый по инициативе Баварского союза ветеранов и городских властей. Он был торжественно открыт в присутствии бывшего наследного принца баварского королевского дома и командующего 6-й армией на Западном фронте Рупрехта в 1924 г., но достраивался еще четыре года. В центре композиции была помещена впечатляющая фигура лежащего мертвого воина (скульптор Б. Бликер). Этот образ затем неоднократно воспроизводился в локальных памятниках в 1920–1930-е гг. и при

создании мемориала павшим в обеих мировых войнах военнослужащим сухопутных войск в 1972 г. В Германии инициатива по созданию памятников в основном исходила от ветеранских объединений, в то время как во Франции — от общин [см.: Jeismann, Westheider]. В этой связи существенно различалась и смысловая нагрузка: в Германии чаще всего скорбь по погибшим солдатам — героям фронта, во Франции — траур по близким людям, сопереживание горю вдов и сирот.

Противоречия Веймарской республики нашли отражение в культуре памяти и исторической политике того времени. Способы воспоминания войны и ее жертв отражали специфику сознания различных общественных групп. Конфронтация между политическими партиями также долгое время мешала созданию общенационального памятника. Одним из результатов этого расслоения стал провал всех планов создания единого монументального военного мемориала, расположенного в центре столицы Германии, который мог бы стать местом патриотического паломничества. Вместо этого в Берлине возникло несколько разнообразных памятников минувшей войны. Военные мемориалы и кладбища, раскинувшиеся на территории города, должны были вписаться в богатый ландшафт многочисленных культурных достопримечательностей и исторических памятников Берлина.

Возведение памятников могло обеспечить долговременную маркировку зон политического влияния. Каждый проект памятника должен был соответствовать балансу многочисленных социальных акторов: общегосударственных, земельных или местных органов власти, союзов и обществ в качестве заказчиков, спонсоров из сфер бизнеса и политики, прессы, критиков, деятелей искусства и культуры с их часто противоречивыми интересами. Проекты памятников должны были получить одобрение и поддержку на политическом уровне, их нужно было профинансировать и построить. После необходимо было обеспечить их сохранность, так как они могли вызвать насмешки или подвергнуться вандализму.

Массовая и часто анонимная гибель людей в Первую мировую войну вынуждала к отказу от возведения традиционных персональных памятников. В качестве строительного материала на смену традиционному мрамору пришли новые материалы промышленной эры: цемент, кирпич и известняк. Мемориалы воплощали в себе весь спектр современных стилей архитектуры и скульптуры: экспрессионизм, новая вещественность, неоклассицизм, архаика и абстракционизм. В проектировании и строительстве участвовали как именитые специалисты вильгельминской поры, так и молодые таланты, потому что тяжелый экономический кризис обрушился на всех. Коммунисты и пацифисты хотели в большей степени увековечить память борцов революции и гражданской войны, чем солдат. Социал-демократы, в свою очередь, стремились использовать крупные государственные праздники, такие как День конституции, чтобы напомнить о жертвах войны новаторскими изобразительными средствами. Однако для многих товарищей по партии, которые все еще находились под влиянием традиционной эстетики имперской эпохи, такие памятники были слишком необычными. Кроме того, левые активисты вместо дорогих монументальных зданий отдавали предпочтение помощи выжившим и инвалидам.

Памятники полковых и воинских объединений были куда более представительными. Среди правых продолжали пользоваться популярностью персональные монументы, но вместо генералов и монархов на пьедестал вышел простой солдат. Стилистические предпочтения консервативной части политического спектра больше склонялись к традиционным, образно-натуралистическим памятникам, а левые были более открыты экспрессивным и абстрактным замыслам. На деле этот вопрос решался исходя из доступных в каждом случае средств и в большинстве случаев, независимо от политической ориентации, использовались только самые дешевые решения, такие как валуны, простые надгробия, стелы.

Ярче всего разделенность и конфликтность памяти о минувшей войне проявилась в судьбе двух, пожалуй, наиболее известных памятников — мемориального комплекса на месте битвы при Танненберге / Мазурских озерах и здания Нойе Вахе в Берлине. Среди немногих специальных работ, посвященных изучению политического мифа Танненберга, его материального воплощения и символического значения, необходимо отметить прежде всего диссертационное исследование О. С. Нагорной [2002]. Она вполне обоснованно и убедительно показала значение мифа прежде всего для сохранения и трансформации базовых консервативных ценностей политической культуры Германии в контексте преемственности между Вторым и Третьим рейхом. Мы вполне разделяем основные выводы автора, прежде всего следующие:

Строительство национального мемориала Танненберга стало одним из важнейших проектов Германии первой трети XX века, так как символизировало и разрыв, и континуитет культуры при переходе от империи к республике и от Веймара к Третьему Рейху. Вся деятельность вокруг комплекса отражает различные концепции использования памятника в обе эпохи. Через призму мемориала Танненберг идея оплакивания погибших сограждан в Первой мировой войне была трансформирована в средство инсценирования мощного национального государства. Танненберг стал не просто местом памяти, но символом общей судьбы и обновленного духа единой нации [Нагорная, с. 24].

Однако при этом необходимы некоторые уточнения, касающиеся особенностей политики памяти и изменений культуры памяти о Первой мировой войне в Германии межвоенного периода. Прежде всего, в Веймарский период мемориализация Танненберга была инициативой общественной и региональной, а не правительственной и общегосударственной. В пятую годовщину единственного за всю Первую мировую войну сражения, произошедшего на территории Германии, к тому же завершившегося решительной победой, в пользу создания памятника выступил Союз ветеранов Восточной Пруссии. Органы власти Веймарской республики оказали инициативе ограниченную поддержку — по предложению бургомистра магистрат ближайшего к месту сражения города Хоэнштайн бесплатно предоставил участок для строительства, но Министерство социального обеспечения Пруссии отклонило просьбу инициативной группы об открытом

сборе средств на памятник. Увенчанный славой «герой Танненберга» П. фон Гинденбург как частное лицо участвовал в закладке первого камня в 1924 г. и уже как рейхспрезидент — в торжественном открытии мемориала вскоре после собственного 80-летия в 1927 г.

Однако в веймарский период памятник никогда не имел официального статуса общенационального или общегосударственного и, строго говоря, был местом памяти не всех немецких ветеранов войны, а только участвовавших в сражении солдат 8-й армии, набранной исключительно из пруссаков. Отношение к нему населения католического юга Германии было вовсе не таким восторженным. Он стал центром притяжения правых консервативных сил, носителей традиционной идеологии агрессивного имперского национализма (даже А. Гитлер до захвата власти только один раз посетил памятник и то как частное лицо), поэтому вызывал чувство неприятия со стороны левых.

Социал-демократический ветеранский союз по этому поводу еще в августе 1927 г., накануне открытия, дважды публиковал официальное сообщение для прессы следующего содержания:

В сентябре должно состояться торжественное открытие памятника в Танненберге. Комитет по созданию памятника официально пригласил на открытие все слои населения. Рейхсбаннер Шварц-Рот-Гольд не примет участия в торжествах. Хотя публичное приглашение к участию в празднике составлено в чрезвычайно осторожных выражениях, его форма не может скрыть тот факт, что церемония открытия, так же как и празднование закладки первого камня монумента, будет монархическим митингом. Слова генерала Канса при закладке первого камня «отныне куется новая корона германской империи» не забыты. Этот генерал Канс, который произносил такие слова в качестве председателя комиссии по сооружению памятника, и сегодня заседает в руководстве. Он и его друзья-единомышленники вполне сознательно хотят превратить торжественное открытие во враждебное республике мероприятие. Г-н Канс уже объявил, что он позаботится о том, чтобы во время праздничного мероприятия не было видно черно-красно-золотых знамен. Во время торжеств по закладке первого камня в фундамент памятника на ветру развевались черно-бело-красные знамена, и также это будет во время церемонии торжественного открытия. Рейхсбаннер Шварц-Рот-Гольд при таких обстоятельствах не может участвовать в торжествах и также считает несовместимым с поддержанием авторитета государства участие в мероприятии представителей государственной власти [VArch, R 72/1165, L. 2].

Очевидный успех проекта «Танненберг» и его активная эксплуатация консервативно-реваншистскими кругами побуждали к поиску альтернативных форм коммеморации, в большей степени ориентированных на интеграцию общества и легитимацию республиканской формы правления. В 1930 г. глава правительства Пруссии социал-демократ О. Браун предложил превратить пустующее здание «новой вахты» в центре Берлина в «Мемориал павшим в мировой войне». Нойе Вахе, построенное в 1818 г. по проекту архитектора К. Шинкеля, служило помещением для королевской гвардии и одновременно памятником освободительной войне против Наполеона. 18 сентября 1818 г., по случаю визита

русского царя, возле Нойе Вахе состоялся парад прусского полка гвардейских гренадер им. Александра I. С тех пор военная церемония проводилась ежегодно, поэтому после революции здание воспринималось как символ прежнего прусского милитаризма и было заброшено. По инициативе Брауна был объявлен конкурс на реконструкцию здания, который выиграл архитектор Г. Тессенов (проект Л. Миса ван дер Роэ занял второе место). 2 июня 1931 г. состоялась торжественная церемония открытия памятника в присутствии президента П. Гинденбурга и министра рейхсвера К. Гренера. Однако консервативно настроенная часть ветеранов бойкотировала мероприятие. Руководство «Стального шлема» накануне опубликовало официальное сообщение следующего содержания:

Во вторник, 2 июня, состоится торжественное открытие памятника Нойе Вахе на Унтер-ден-Линден. Министерство рейхсвера разослало определенное количество приглашений различным объединениям, в том числе таким, которые из-за своих манер и отношения на этом мероприятии будут лишними (займут неподобающее им место). Так, должны быть представлены Рейхсбаннер Шварц-Рот-Гольд и Имперский союз евреев-фронтовиков. «Стальной шлем» — союз немецких фронтовиков, так же как и Национальный союз немецких офицеров, отказывается от участия и возвращает приглашения. Таким образом, значительная часть немецких ветеранов не будет представлена на мероприятии. Общеизвестно, что фронтовики всегда требовали усиленной помощи жертвам войны, а не такой чести [VArch, R 72/1162, L. 38].

Противоречия, свойственные политике и культуре памяти веймарского периода проявились и в установлении Дня народной скорби — дня памяти жертв войны. Широко распространено мнение, что такая инициатива исходила от неправительственной неполитической организации «Народный союз Германии по уходу за военными захоронениями», основанной 16 декабря 1919 г. [см.: Meyer]. Однако первые попытки ввести день памяти предпринимались Национальным собранием еще в апреле 1919 г. При обсуждении инициативы левых партий о законодательном утверждении праздника 1 мая депутаты Эрхард от партии Центра, Кельч от Немецкой национальной народной партии и Миттельман от народной партии говорили о необходимости введения дня национального траура. Кельч даже высказался за 9 ноября (день начала революции 1918 г.), чтобы почтить память «миллионов погибших нашего народа» [Verhandlungen..., S. 1052]. 5 марта 1922 г. состоялось первое посвященное жертвам войны траурное заседание в рейхстаге. В речи президента рейхстага П. Лебе звучал призыв «облегчить страдания, залечить раны, но также почтить мертвых; оплакивать погибших — значит отвернуться от ненависти, значит вернуться к любви, а наш мир так нуждается в любви» [Meyer, S. 36].

Впервые День народной скорби было решено отметить 1 марта 1925 г., но накануне скончался первый президент республики Ф. Эберт. В 1926 г. было принято решение регулярно отмечать этот день накануне Пасхи. Выбор был символически близок к воскресению Христа. Таким образом, празднование было помещено в контекст ожидаемого национального возрождения.

В Веймарской республике День памяти не был объявлен государственным праздником по нескольким причинам. Веймарская конституция не содержала четкого определения, власти какого уровня ответственны за введение государственных праздников — федеральные или земельные. В течение длительного времени продолжались конфликты с двумя основными церквями — католической и протестантской. В обеих поминальные дни приходились на ноябрь, а даты, предложенные светскими инстанциями, — в воскресенье за шесть недель или за пять недель до Пасхи — приходились на Великий пост или Страстную седмицу. Некоторые попытки законодательно отрегулировать День памяти не были доведены до конца из-за политической нестабильности, поскольку рейхстаг несколько раз досрочно распускался.

Неопределенность правового статуса в условиях разъединенного общества порождала открытые политические конфликты. Накануне Дня народной скорби 1 марта 1931 г. прусский ландтаг большинством голосов коммунистов, социал-демократов и партии Центра отклонил предложение депутата Штенделя о том, чтобы в этот день в знак траура были приспущены государственные флаги. Левые и католические депутаты ссылались прежде всего на отсутствие правовой нормы и соответствующих распоряжений верховной власти [BArch, R 72/1160, L. 58], хотя истинные причины крылись в противостоянии носителей классовой и национальной идеологии, а также католиков и протестантов. Правая пресса тут же развязала пропагандистскую кампанию. Газеты заговорили о едином фронте коммунистов и социал-демократов (не упоминая партию Центра) с целью саботировать День народной скорби, о саботаже Пруссией чествования героев [Berliner Börsen-Zeitung; Deutsche Tageszeitung]. Близкая к партии немецких националистов *Der Tag* писала:

В самой большой земле, в стране Фридриха Великого и Бисмарка, солдатской стране Пруссии, которая к тому же понесла наибольшие жертвы в мировой войне, имперские власти сегодня не могут распоряжаться флагами, поскольку марксизм, путем обструкции в ландтаге, препятствует выполнению их долга. Действительно, эту красную Пруссию пора вычистить железной метлой! [Der Tag].

День памяти так и не смог выполнить положенную ему задачу общенационального примирения. Сохранялись различия в датах и организации торжеств в зависимости от региона и конфессии. Встречи и выступления в этот день часто были отмечены сильным антидемократическим и агрессивно националистическим духом, что облегчало распространение идей национал-социализма.

Еще в мае 1924 г., после очередной неудачной попытки правых партий узаконить через рейхстаг День народной скорби как государственный праздник, большой мастер политических компромиссов и «республиканец поневоле» министр иностранных дел Г. Штреземан внес на рассмотрение правительства предложение о возведении общенационального памятника павшим [Akten der Reichskanzlei, S. 662]. В речи по поводу 10-летней годовщины начала войны президент Ф. Эберт также призвал к созданию памятника «в простой и массивной

форме на добровольно собранные средства», который «должен служить трауру по ушедшим и в то же время олицетворять жизненную силу и волю к свободе немецкого народа» [Berliner Tageblatt]. Эта инициатива вызвала в стране оживленную и растянувшуюся на 10 лет дискуссию, которая в конечном счете завершилась впустую. Из депутатов рейхстага различной партийной принадлежности под руководством министра рейхсвера О. Геслера была создана специальная комиссия, которая, правда, провела свое первое заседание только в ноябре 1925 г. Народный союз по уходу за военными захоронениями выступил резко против, так как считал, что «единственный памятник павшим должен быть в сердцах немцев в образе Дня народной скорби» [Kriegsgräberfürsorge, S. 18].

«Стальной шлем», напротив, всячески стремился подчеркнуть свою активную позицию в обсуждении и реализации этого замысла. В сентябре 1925 г. от имени организации в адрес всех высших органов власти государства и земель были направлены предложения, в которых будущий мемориал был назван «Имперским памятником чести (кенотафом)». Его предлагалось возвести в сердце Германии, где-нибудь в горах в центре страны (Тюрингия), при этом вдали от любого крупного города:

«Священное место» должно иметь как можно большие размеры — минимум три километра в длину и ширину, быть отгороженным от внешнего мира протянутой через горы и долины стеной, а входы со всех четырех сторон света через большие ворота, каждые с двумя сторожевыми башнями. В центре «Священного места» находится сам памятник — большая открытая крипта с простым саркофагом и фигурой покоящегося немецкого солдата в стальном шлеме и с оружием... Вход на территорию имперского памятника возможен только пешком, без оружия, по установленным дням недели и в определенное время по одному (никаких корпораций или компаний туристов) [BArch, R 72/1162, L. 139].

12 февраля 1926 г. уже новый президент Гинденбург провел совещание с министром внутренних дел В. Кюльцем и руководителями четырех ветеранских союзов (Кифхойзер, «Стальной шлем», Рейхсбаннер, Союз еврейских фронтовиков) по поводу создания памятника павшим воинам. Все участники совещания заверили «господина рейхспрезидента как вождя всех немцев во время мировой войны, что, несмотря на различия в мировоззрении, в духе товарищества согласны с предложением воздвигнуть памятник и заверяют г-на президента в полной поддержке этого его желания» [Ibid., L. 124]. Место под сооружение памятника неизвестному солдату (!) были готовы предоставить 54 города [Frankfurter Zeitung]. Резко критически настроенная по отношению к проекту коммунистическая пресса в конце 1926 г. отмечала, что только на подготовительные мероприятия впустую потрачено около двух миллионов марок [Die Welt am Abend].

Самая острая дискуссия разгорелась между сторонниками возведения мемориала на так называемом «острове мертвых» возле г. Лорх на Рейне и в «священной роще» возле г. Бад-Берка в Тюрингии. В начале 1932 г. были

подведены итоги конкурса проектов памятника — 20 из 1 828 поданных заявок жюри отметило призами в размере 1 тыс. марок. Дело закончилось тем, что после смерти Гинденбурга и его торжественного перезахоронения в комплексе танненбергского мемориала 2 октября 1935 г. решением А. Гитлера мемориалу официально был присвоен статус «Имперского памятника».

В Веймарской «республике без республиканцев» официальная политика памяти демонстрировала практически полную беспомощность. Почти все политические силы адаптировали культ павших и топос неизвестного солдата в своих интересах, чтобы производить на свет собственных мучеников. Для коммунистов это была смерть за мировую революцию, для членов Рейхсбаннера — за республику, а национал-социалисты и сторонники «Стального шлема» погибали за свое «движение» или за «Великую Германию». Попытки формирования широкого консенсуса на основе общенациональных мест памяти, фиксирующих образы событий, героев и жертв минувшей войны, были обречены на неудачу.

Источники

- Akten der Reichskanizei. Kabinette Marx I/II. Bd. 1. Boppard am Rhein : Boldt, 1973.
BArch — Bundesarchiv. R 72/1160, 1162, 1165.
Berliner Börsen-Zeitung. 27.02.1931.
Berliner Tageblatt. № 366. 03.08.1924.
BHStA — Bayerisches Hauptstaatsarchiv. Rep. MK. Bd. 15.
Der Tag. № 32. 01.03.1931.
Deutsche Tageszeitung. 27.02.1931.
Die Welt am Abend. 27.12.1926.
Frankfurter Zeitung. 10.11.1925.
Kriegsgräberfürsorge. 1926. Nr. 2.
Verhandlungen der verfassunggebenden deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte. Bd. 327. Berlin, 1920.

Исследования

- Нагорная О. С.* Национальный миф Танненберга и политическая культура Германии (1914–1934) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Челябинск, 2002.
Albertin L. Stahlhelm und Reichsbanner. Bedrohung und Verteidigung der Weimarer Republik // Neue politische Literatur. 1968. № 13. S. 456–465.
Frevert U. Soldaten, Staatsbürger. Überlegungen zur historischen Konstruktion von Männlichkeit // Männergeschichte-Geschlechtergeschichte. Männlichkeit im Wandel der Moderne / Hg. von T. Kühne. Frankfurt-am-Main : Campus, 1996. S. 69–87.
Jeismann M., Westheider R. Wofür stirbt der Bürger? Nationaler Totenkult und Staatsbürgertum in Deutschland und Frankreich seit der Französischen Revolution // Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne / Hg. von R. Koselleck, M. Jeismann. München : Fink, 1994. S. 23–49.
Meyer J.-H. Die Reden auf den zentralen Veranstaltungen zum Volkstrauertag bzw. zum Heldengedenktage 1922–1989. Berlin : [s. n.], 2001.
Mosse G. L. Gefallen für das Vaterland. Nationales Heldentum und namenloses Sterben. Stuttgart : Klett-Cotta, 1993.
Roth H. Unser Franz. Ein Lebensbild des Stahlhelm-Gründers. Magdeburg : Doller, 1928.

Saehrendt Ch. *Der Stellungskrieg der Denkmäler: Kriegerdenkmäler im Berlin der Zwischenkriegszeit (1919–1939)*. Berlin : Dietz, 2004.

References

Albertin, L. (1968). Stahlhelm und Reichsbanner. Bedrohung und Verteidigung der Weimarer Republik. *Neue politische Literatur*, 13, 456–465.

Frevert, U. (1996). Soldaten, Staatsbürger. Überlegungen zur historischen Konstruktion von Männlichkeit. In T. Kühne (Ed.), *Männerggeschichte-Geschlechtergeschichte. Männlichkeit im Wandel der Moderne* (pp. 69–87). Frankfurt-am-Main: Campus.

Jeismann, M., & Westheider, R. (1994). Wofür stirbt der Bürger? Nationaler Totenkult und Staatsbürgertum in Deutschland und Frankreich seit der Französischen Revolution. In R. Koselleck, & M. Jeismann (Eds.), *Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne* (pp. 23–49). München: Fink.

Meyer, J.-H. (2001). *Die Reden auf den zentralen Veranstaltungen zum Volkstrauertag bzw. zum Heldengedenktage 1922–1989*. Berlin: [s. n.].

Mosse, G. L. (1993). *Gefallen für das Vaterland. Nationales Heldentum und namenloses Sterben*. Stuttgart: Klett-Cotta.

Nagornaya, O. S. (2002). *Natsional'nyi mif Tannenberga i politicheskaya kul'tura Germanii (1914–1934)* [Tannenberg's National Myth and the Political Culture of Germany] (doctoral dissertation abstract). Chelyabinsk.

Roth, H. (1928). *Unser Franz. Ein Lebensbild des Stahlhelm-Gründers*. Magdeburg: Doller.

Saehrendt, Ch. (2004). *Der Stellungskrieg der Denkmäler: Kriegerdenkmäler im Berlin der Zwischenkriegszeit (1919–1939)*. Berlin: Dietz.

Баранов Николай Николаевич

доктор исторических наук, заведующий
кафедрой новой и новейшей истории
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: baranov61@mail.ru

Baranov, Nikolay Nikolaevich

Dr. Hab. (History), Head of the Department
of Modern and Contemporary History
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: baranov61@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9998-0843>
ResearcherID: M-6841-2018
Scopus AuthorID: 57194724194